

СЛУЖЕНИЕ МУЗ

МХАТ — одно из художественных потрясений в моей жизни. До войны в Москве существовало всего три академических драматических театра, и Художественный был одним из них по праву.

До войны я дежурил у дверей Художественного, чтобы хоть раз увидеть кого-либо из своих кумиров, и дважды мне повезло: однажды я видел входящего в театр Качалова, в другой раз подъехала машина и кто-то помог выйти из нее Станиславскому. Оба раза я впился в них взглядом, и эта «фотография» до сих пор со мной. Я был в Ейске, когда пришла весть о смерти Константина Сергеевича, и переживал ее как личное горе — плакал...

Когда после армии я решил продолжать учебу, то не по-

смел даже переступить порог школы-студии МХАТа: так благоговейно относился я к детичу Станиславского и Немировича-Данченко, что считал себя недостойным там учиться.

Успех спектаклей МХАТа не был, так сказать, мгновенным: он далеко не всегда выражался в количестве и силе оваций, в сиюминутных восторгах — потрясение от них оставалось на годы. Воспоминания о лучших спектаклях сопровождают меня всю жизнь.

В рецензиях иной раз пишут: «По окончании наступила благоговейная тишина». Так бывает, и каждый большой артист и режиссер ценит именно такую реакцию. Помню, по окончании «Анны Карениной» зрители стали расходиться — нешумно, неторопливо: чувствовалась мера потрясения от увиденного на сцене. Когда же почти все ушли и я остался в одиночестве на галерке, словно невидимая рука схватила меня за горло... Ни тогда, ни сейчас я не могу поверить «алгеброй гармонию» и объяснить, какая сцена или эпизод поразили меня особенно. Я думаю, так действовал именно спектакль — все его слагаемые, весь ансамбль актеров, и прежде всего — Алла Тарасова и Николай Хмелев.

Это и есть совершенное воздействие.

Помню сильнейшее воздействие игры Бориса Добронравова в «Дяде Ване», в «Царе Федоре Ивановиче» — это были первые спектакли, когда Добронравов заменял Москвина. То было истинное вдохновение...

Таких проникновений в истину, вдохновенных минут я видел много: Качалов, читавший текст от автора в «Воскресении», Качалов — Барон в «На дне», Качалов в паре с Книппер-Чеховой в «Вишневом саде», Ливанов — Соленый в «Трех сестрах» и Ливанов — Ноздрев в «Мертвых душах», «Горячее сердце» с Москвиным и Тархановым, затем — Станицыным и Грибовым.

Художественный театр в огромном множестве спектаклей опирался на большую драматургию. Привечал он всегда и молодых, начинавших авторов. Случались и проходные пьесы, но не они определяли лицо театра, потому что эстафета большой литературы в Художественном никогда не обрывалась.

МХАТ был очень простым и скромным. Кому из нас не приходилось видеть изысканнейшую режиссуру, эффектные мизансцены, быющую через

край фантазию и прочее, что сразу и всем становится видно. А простота высокого искусства — редчайшее исключение. Художественный как раз и был самым простым и скромным театром. Отсутствие чувств меры иногда выражалось в том, что на первый план выходит, так сказать, производитель — актер или режиссер. А во МХАТе шли простые спектакли, но воздействие их оказывалось огромным, потому что достигалось гармонией «согласованным согласием всех частей».

Уместно напомнить: наследие Станиславского — не только наше национальное достояние: оно давно уже принадлежит всему человечеству. За рубежом целые поколения актеров и режиссеров воспитаны на системе великого реформатора сцены. О своем восхищении им мне говорили, например, Марлон Брандо и Род Стайгер, в Италии мне рассказывали, что Анна Маньяни просила прислать ей все сочинения Константина Сергеевича...

Очень важно и то, что система Станиславского дала многое таким разным художникам, основавшим собственные школы, как В. Мейерхольд, Е. Вахтангов, М. Чехов, Ю. Завадский. Примечательно, что Константин Сергеевич, не во всем соглашаясь с ними, радовался их успехам, — достаточно вспомнить, с каким восторгом принял он вахтанговскую «Принцессу Турандот».

«Служение муз не терпит суеты...» Театр создается не мгновенно, а каждодневными, ежечасными, ежесекундными усилиями в течение многих и многих лет. Там же, где театр подпадает под влияние страстного желания сегодняшнего — во что бы то ни стало! — именно сегодняшнего признания, он может и не достичь успеха. И в этом один из уроков МХАТа... Нужны терпение и время, как говаривал Кутузов в «Войне и мире». В искусстве поспешность никогда не приносит великих результатов. Если мы поставим перед учеными задачу до конца пятилетки найти способ лечения рака или решить проблему управления термоядерной энергией, то можем оказать в нелепом положении. Нужно терпение и время, чтобы добиться поставленной цели.

Выступая на открытии памятника Пушкину в 1880 году, Достоевский сказал, что Пушкин унес с собой тайну, и мы без него эту тайну разгадываем. Мне кажется, эти слова применимы и к наследию Станиславского и Немировича-Данченко: тайну их надо разгадать, чтобы двигаться дальше...

Сергей БОНДАРЧУК,
народный артист СССР,
лауреат Ленинской
и Государственной премий

102